

Ци Сянь открыл дверцу машины и усадил Камосиси на пассажирское сиденье рядом с водителем. Он должен был постоянно следить за ним, не выпуская из поля зрения, иначе опасался, что тот выкинет какую-нибудь неожиданную штуку.

Реакция Камосиси на этот железный ящик под названием машина оказалась куда лучше, чем на лифт. Возможно, дело было в окнах — по крайней мере, он видел всё происходящее в движении и не испытывал паники.

В конце концов, машины существовали во все времена, вопрос был лишь в том, насколько они продвинуты.

Древние египтяне ездили на двухколесных повозках, запряженных лошадьми, а нынешним машинам лошади не нужны, зато требуется мотор.

Ци Сянь лично пристегнул его ремнем безопасности и только после этого сел за руль и завел двигатель.

Синяя машина выехала со стоянки, и перед глазами предстал оживленный мир. Камосиси всю дорогу разглядывал пейзаж, ни на секунду не отрывая глаз от окна.

В его зрачках отражались пестрые краски города, этот мир казался ему слишком удивительным. Высотные здания, уходящие в небо, источали разноцветное сияние.

Машины, мчавшиеся по дороге, не нуждались в лошадиной тяге. Каждая улица была такой широкой и ровной, что проезжающие автомобили не поднимали ни пылинки, и не было заметно даже намека на традиционные глинобитные хижины.

Одежда как мужчин, так и женщин выглядела изысканно, а на вид была теплой и удобной. Ткань, из которой был сшит любой встречный наряд, превосходила всё, чего в его времена не видели даже члены царской семьи.

Женщины не носили вуалей, не прятали лица и даже обходились без париков, окрашивая собственные волосы в самые немыслимые, кричащие цвета.

Мужчины тоже не ходили с обнаженной грудью и спиной, облаченные в длинные рукава и брюки, а на их телах редко можно было увидеть вычурные золотые украшения.

На улицах Лондона бесчисленное множество людей со светлой кожей и желтыми волосами держало в руках плоские коробочки размером с ладонь и тыкало в них пальцами. Обувь на ногах женщин заставляла их ходить на цыпочках; эти туфли, похожие на орудия пыток, казалось, не только не доставляли им боли, но, напротив, делали каждое движение еще более изящным и манящим.

Ни одна лампа здесь не искрила, не требовала добавления масла и могла гореть всю ночь напролет.

Но эти ослепительные неоновые огни напоминали ревущего льва, пожирающего время каждого человека: огни не гасли, и люди тоже не знали сна и отдыха.

В душе Камосиси был потрясен до глубины души, однако на его лице не дрогнул ни один мускул.

Остановившись на красный свет, Ци Сянь бросил на него взгляд. Да, хотя выражение лица не выдавало никаких эмоций, его сияющие глаза выдавали его с головой.

Просмотрев так с десятков минут, он словно устал и откинулся на спинку пассажирского сиденья.

Опустив голову и скрестив руки на груди, он чувствовал, как сквозь щель в окне просачивается ночной холодный ветер. Неон города, не знающего сна, отражался в его глазах, но сам он ощущал бесконечную тоску.

Он не принадлежал этому месту. Этот мир был для него слишком чуждым, и в его эпохе почти не нашлось бы ничего похожего, что могло бы подарить ему чувство принадлежности и безопасности.

Его черные волосы беспорядочно рассыпались по плечам — это был чистейший, первозданный черный цвет. Они не были прямыми: кончики волос завивались, послушно ложась на его боковую сторону шеи. В неподвижности он походил на безмятежную красавицу с картины, что сидит одна на гладком валуне, пока у ее ног журчит ручей, а абрикосовые цветы падают дождем на ее плечи.

Ведя машину, Ци Сянь время от времени поглядывал на него. То, как он тихо и лениво сидел на пассажирском сиденье, изредка поднимая взгляд на огни большого города за окном, заставляло Ци Сяня слегка погрузиться в забытие.

Он невольно вспомнил, что у его ушедшей из жизни девушки тоже были черные волосы с завитыми кончиками. Она всегда любила садиться рядом с ним на пассажирское сиденье, припасть к автомобильному окну и, заметив что-то забавное или интересное, с восторгом звать его и указывать пальцем.

Иногда он говорил с полуплутистой укоризной, смешанной с нежностью: Ваньянь, ты мешаешь мне вести машину, дай мне сосредоточиться.

Длинные черные волосы, точеная фигура — сходство было поразительным, казалось, будто она сидит прямо рядом с ним. Взгляд Ци Сяня остекленел, ночной неон словно затуманивал

зрение, и он пробормотал про себя:

— Ваньянь...

Камосиси обернулся, решив, что Ци Сянь зовет его.

Ци Сянь махнул рукой, показывая, что говорит сам с собой, а затем быстро ущипнул себя, вытаскивая из оцепенения.

Как раз начался час пик, и, вполне предсказуемо, образовалась пробка — всё-таки это Лондон. Машины впереди упорно не двигались. Ци Сянь отпустил руль, вытащил из кармана телефон. На экране все еще красовалась та короткая справка о Рамсесе I. Он смахнул приложение: никто ему не писал, не было даже рекламных уведомлений.

Закрепленным в самом верху чатом оставался чат с Линь Ваньянь. Ее ник состоял из одного иероглифа Ваньянь, за которым следовал смайлик свиной головы — она сама установила его.

Раньше эта графа была самой шумной: стоило не притронуться к телефону полдня, как в нем скапливалось по семь-восемь голосовых сообщений от нее. Теперь этот чат замер надолго. Он не смел зайти внутрь, боясь увидеть время отправки последнего сообщения.

Выключив телефон, он мягко коснулся плеча Камосиси. Тот обернулся, слегка нахмурившись, с выражением некоторого отвращения на лице — судя по всему, он не любил телесный контакт с людьми.

— Давай я дам тебе имя? Китайское имя, — Ци Сянь и сам не заметил, как его голос утратил прежнюю холодность, став невероятно мягким, словно растаявшая карамель, чья сладкая истота просочилась сквозь обертку. — По звучанию твоего имени обычный перевод — Камосиси или Камос. Если я не ошибаюсь, так звали фараона вашей прошлой династии. А из этих иероглифов в китайском языке в качестве фамилии используется только Мо.

Он замолчал, сам не зная почему улыбнувшись. Глядя в полные настороженности глаза Камосиси, он ласковым тоном произнес:

— Тебя будут звать Ваньянь, хорошо? У нас с тобой имена состоят из одного иероглифа, в древности односложные имена носили только люди со статусом и положением.

Назвав имя, он не стал проверять, понял ли его Камосиси, тихонько усмехнулся, соединил оба слога и неторопливо, отчетливо произнес:

— Линь Ваньянь.

Глава 8. Супермаркет

Словно смакуя аромат этих двух китайских иероглифов, он причмокнул губами, оставшись весьма доволен придуманным именем.

<http://bllate.org/book/26741/3202613>